

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ОБЪЕКТА ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЙ КРИТЕРИЙ ПЕРЕХОДНОСТИ

Некрылова Е. Л.

Харьковский национальный экономический университет имени Семена Кузнеця

У статті розглядається питання щодо перетворення об'єкта дієслівної дії як універсального критерія перехідності. Визнання такої універсальності спричиняє понятійне уточнення прямої перехідності та обумовлює суперечливість поняття непрямої перехідності.

Ключові слова: дієслівне керування, об'єкт, безприйменниковий знахідний відмінок, непрямі відмінки, перехідність.

Некрылова Е. Л. Преобразование объекта глагольного действия как универсальный критерий переходности. В статье рассматривается вопрос о преобразовании объекта глагольного действия как универсальном критерии переходности. Признание такой универсальности влечет понятийное уточнение прямой переходности и обуславливает противоречивость понятия косвенной переходности.

Ключевые слова: глагольное управление, объект, беспредложный винительный падеж, косвенные падежи, переходность.

Nekrylova E. L. Remake of the object of verbal implication as universal criterion of transition. The article examines the question of transition of the object of verbal implication as universal criterion of the transition. Acknowledging such

universality leads to the conceptual clarification of the direct transition and conditions controversy of the concept of indirect transition.

Key words: verbal management, object, non-prepositional accusative case, objective cases, transition.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Как известно, переходность – лексико-грамматический разряд глагола, свойство глагола управлять прежде всего беспредложным винительным падежом. Изначально, в античных грамматиках, наблюдается только такое понимание переходности, однако затем, по мере познания всех форм глагольного управления, возникает понятие косвенной переходности, к которой стали относить случаи, когда глагол управляет формами косвенных падежей (такое понимание обнаруживается уже у Ф. Ф. Фортунатова и А. А. Шахматова [8, 1153-1158; 9, 477]). Более того, внутри косвенной переходности структуралисты по формальному признаку наличия или отсутствия предлога начали различать два понимания косвенной переходности: узкое и широкое. Узкое понимание косвенной переходности – только беспредложное управление косвенными падежами, например, так понимал косвенную переходность В. В. Виноградов [2, 493-494]. Широкое понимание – беспредложное и предложное управление косвенными падежами, так понимала косвенную переходность, например, А. В. Десницкая [4, 117]. В «Русской грамматике» (РГ-80) косвенная переходность не фиксируется. В то же время глагольное управление беспредложным винительным стали именовать прямой переходностью. Но в содержании этого понятия наблюдается отсутствие критериального единства: буквальное, основанное на внешней эмпирической очевидности понимание последствий перехода глагольного действия на объект как весьма заметного физического преобразования такого объекта приводит к тому, что под критерий преобразования объекта глагольного действия подпадают

далеко не все прямопереходные глаголы [6, 613]. Имеется понятийно-терминологическая потребность в универсальной критерии переходности.

Анализ последних исследований и публикаций. М. Н. Эпштейн признает переходностью только случаи беспредложного управления винительным падежом, из чего может следовать, что косвенную переходность, о которой автор не пишет, он не признаёт. В то же время ученый конкретизирует понятие переходности критерием преобразования объекта прямым действием управляющего глагола: «Переходность глагола – это, в самом общем виде, выражение семантики активного действия, преобразующего свой предмет» [10]. Такой аспект переходности, как преобразование предмета, на который направлено действие переходного глагола, в лингвистической литературе фиксируется не впервые но универсальным не считается: об этом писали и грамматисты Пор-Рояля А. Арно и К. Лансло, и Ю. С. Степанов [1, 172-173; 7, 409-419], чьи соображения были поддержаны и развиты в РГ-80, где сказано, что переходные глаголы «означают действие, направленное на объект; это может быть объект создаваемый (*строить дом*), изменяемый (*белить потолок, колоть дрова*), уничтожаемый (*жечь письма, бить посуду*)» [6, 613].

Однако согласно РГ-80 переходные глаголы обозначают также «воздействие на объект, не производящее в нем никаких изменений: *читать книгу, благодарить отца, поздравлять сестру, хвалить ученика, одобрить идею*. Переходные глаголы называют также чувственные восприятия (*видеть картину, слушать музыку, чувствовать боль*), отношение (*любить человека, ненавидеть врага*). Объект при таких глаголах означает предмет, который воспринимается, к которому направлено отношение» [6, 613]. Как можно видеть, с такими формулировками переходности признак преобразования объекта глагольного действия не коррелирует. Но возникает сомнение в корректности столь жестких формулировок: если действие на объект все же переходит (иначе глагол нельзя было бы назвать прямопереходным), то как оно может не произвести в объекте каких-либо изменений – не вполне ясно. Еще большее сомнение вызывает

совместимость критерия преобразования объекта глагольного действия с понятием косвенной переходности.

Целью настоящей статьи является проверка универсальности критерия преобразования объекта глагольного действия как единственного показателя переходности. Такая проверка предполагает ее применение к абсолютно всем случаям прямой и косвенной переходности. Результаты такой проверки представляются актуальными для понятийно-терминологического представления переходности.

Изложение основного материала исследования. Понятно, что из трех упомянутых выше, вызванных действием переходного глагола понятий – создания, изменения и уничтожения – родовым является понятие изменения, на что Ю. С. Степанов указывал в 1976 году, объединяя такую переходность признаком эффективности: «Эффективная переходность означает, что объект действия подвергается реальному изменению в процессе действия, в том числе создается или разрушается» [7, 139].

Что касается такого отмеченного в РГ-80 вида переходности, при котором наблюдается «воздействие на объект, не производящее в нем никаких изменений: *читать книгу, благодарить отца, поздравлять сестру, хвалить ученика, одобрить идею*» [6, 613], – то можно согласиться с тем, что это действие не изменяет объект физически (по крайней мере, настолько значительно, чтобы это было весьма заметно), но совершенно очевидно, что состояние объекта – психическое при одушевленности или статусное при неодушевленности – не остается прежним: статусное состояние книги изменяется на прочитанное, а такое же состояние идеи – на одобренное; психическое состояние отца изменяется на удовлетворенное благодарностью, такое же состояние сестры – на удовлетворенное поздравлением, а ученика – на удовлетворенное похвалой. При такой переходности наблюдается нефизическое воздействие на объект, вызывающее в нем, на первый, поверхностный, взгляд, лишь нефизические изменения, однако на самом деле эти изменения могут носить пусть не такой

значительный, как при создании, уничтожении и другом активном физическом изменении, но эмпирически очевидный физический характер: например, прочитанная книга может иметь такие признаки, как потертость, загрязнение, загнутые страницы, а одобренная идея, зафиксированная в письменном виде, может быть завизирована резолюциями, подписями и печатями; удовлетворенные благодарностью, поздравлением и похвалой соответственно отец, сестра и ученик могут, в отличие от прежних своих состояний, улыбаться, кивать, жестикулировать и проявлять другие признаки удовлетворенности.

Следовательно, глаголы, действия которых преобразуют объект и физически, и лишь статусно или психически, изменяют объект – с несколько разной мерой очевидности – с точки зрения не только субъекта действия, но и окружающих, то есть абсолютно или относительно объективно. Абсолютно объективную и относительно объективную переходности логично считать образующими понятийный центр и близкую к центру зону переходности.

Не столь очевидна переходность глаголов, которые называют «чувственные восприятия (*видеть картину, слушать музыку, чувствовать боль*), отношение (*любить человека, ненавидеть врага*). Объект при таких глаголах означает предмет, который воспринимается, к которому направлено отношение» [6, 613]. Действия таких глаголов всегда очевидны лишь для субъектов этих действий, для окружающих эти действия очевидны далеко не всегда, и именно для окружающих объекты таких ментальных действий остаются неизменными. Однако, если, абстрагировавшись от мнения окружающих, принять точку зрения субъектов, производящих такие действия, станет понятно, что именно для таких субъектов являются очевидными статусные изменения объектов, подвергнутых воздействию глаголов указанных в РГ-80 «чувственных восприятий» и «отношения». Так, именно в сознании субъекта, который видит картину, слушает музыку, чувствует боль, эти картина, музыка и боль получают статус пространственно-временной актуализации, как правило неизвестной для окружающих. То есть такие субъекты действиями глаголов *видеть, слушать* и *чувствовать* изменяют статус картины,

музыки и боли с ранее неактуального на теперь или уже некоторое время актуальный для них в пространстве и времени: картина видимая, музыка слушаемая, боль чувствуемая. Что касается любви и ненависти, то это, безусловно, прежде всего личные чувства, объекты которых, несомненно, являются для субъектов таких чувств преобразенными, и лишь проявление этих чувств может быть очевидным для окружающих. Таким образом, для всех показанных в настоящем абзаце субъектов, в отличие от окружающих, преобразование таких объектов существует, чем и объясняется употребление при таких глаголах беспредложного винительного, применение которого, как показано выше, всегда связано с преобразованием объекта глагольного действия. Следовательно, в описанных здесь случаях глаголы изменяют объект очевидно только для субъекта действия, то есть субъективно. Такие глаголы логично считать периферией переходности.

Из представленного выше выводится понятийно важное предположение: преобразование объекта, на который направлено глагольное действие, представляет собой существенный признак понятия переходности в целом, который отсутствует в грамматических явлениях, которые традиционно считаются косвенной переходностью. Если это предположение подтверждается, термин «косвенная переходность» автоматически получает статус логически противоречивого терминологического преувеличения.

Перейдем к соответствующему рассмотрению (примеры взяты из упомянутых выше работ В. В. Виноградова и А. В. Десницкой).

Прежде всего изучим обуславливающую широкое понимание косвенной переходности предложность таких конструкций.

В *опереться на стул* действие нельзя признать изменяющим объект, поскольку *стул* в таком случае остается неизменным, в то время как пространственный предлог *на* не способствует переходу действия на объект, а компенсирует информативную недостаточность возвратного, то есть такого, который никак не может быть прямопереходным, глагола *опереться*, применение

которого к *стулу* без этого предлога невозможно. Однако, если бы *стул поднимали, переносили, ломали, жгли* и даже *ругали*, то есть применяли к нему действия, обозначенные переходными глаголами, его пространственное, физическое или оценочное состояние изменилось бы, ведь он был бы уже не таким, как до применения к нему этих действий, а соответственно *поднимаемым, переносимым, ломаемым, сжигаемым* и даже *ругаемым*.

В *стучать в окно* действие нельзя признать изменяющим объект, поскольку *окно* в таком случае сохраняет неизменяемый вид, в то время как пространственный предлог *в* не способствует переходу действия на объект, а компенсирует информативную недостаточность непрямопереходного глагола *стучать*, действие которого к *окну* без этого предлога применить невозможно. Однако, если бы *окно вымыли, открыли* или *разбили*, то есть применили к нему действия, обозначенные переходными глаголами, его физическое состояние изменилось бы, ведь оно было бы уже не таким, как до применения к нему этих действий, а соответственно *вымытым, открытым* или *разбитым*.

В *смеяться над Иваном* действие тоже нельзя признать изменяющим объект, поскольку *Иван*, даже если он знает о том, что над ним смеются, вовсе не обязательно может претерпеть какие-то, даже чисто эмоциональные изменения: Иван – такой, достойный смеха, и другие люди испытывают по этому поводу эмоциональное состояние смеха, в то время как сам Иван остается таким же, в данном случае смешным. Пространственный предлог *над* здесь не способствует переходу действия на объект, а компенсирует информативную недостаточность возвратного, то есть такого, который никак не может быть прямопереходным, глагола *смеяться*, действие которого к *Ивану* без этого предлога применить невозможно. Однако, если бы *Ивана обнимали, целовали* или *толкали, били* либо *хвалили, прославляли* или *высмеивали, оскорбляли*, то есть применяли к нему действия, обозначенные переходными глаголами, его физическое и/или эмоциональное состояние изменилось бы, ведь он воспринимался бы и ощущал себя уже не таким, как до применения к нему этих действий, а соответственно

обнимаемым, целуемым или толкаемым, битым либо хвалимым, прославляемым или высмеиваемым, оскорбляемым.

Беспредложную косвенную переходность рассмотрим на примерах трех падежей: родительного, дательного и творительного.

Косвенная переходность с родительным падежом требует особого уточнения. Прежде всего отметим мнения, отраженные в двух последних русских грамматиках: «Некоторые переходные глаголы, в силу своих морфологических свойств или словообразовательной структуры, присоединяют к себе в качестве прямого объекта имя не в винит. падеже, а в родит. падеже» [3, 350-351]; «Переходные глаголы называют действие, которое направлено на объект, выраженный зависимым именем в форме вин. п. (при наличии в предложении отрицания такой вин. п. регулярно заменяется род. п.: *читал книгу – не читал книги*)» [6, 612-613]. В последние десятилетия лингвисты все чаще заявляют о том, что при упомянутом в РГ-80 отрицании форму родительного падежа (*не читал книги*) следует признавать сосуществующей с формой винительного падежа (*не читал книгу*), поскольку два эти типа сочетаний различаются как выразители соответственно абстрактности и конкретности, относящиеся к ряду грамматических компенсаторов отсутствия несформировавшихся в русском языке определенного и неопределенного артиклей; аналогичным образом – как выразители абстрактности и конкретности – различаются неотрицательные конструкции, например *Я жду поезда* и *Я жду поезд*. Очень показательны, что «глаголы, совмещающие значение достижения результата со знач. количественности: *нарвать цветов, наделать ошибок, купить книг*» [6, 612-613], – имеют дополнение только в форме родительного падежа, ведь упомянутый результат со значением количественности есть результат со значением неопределенно-абстрактной количественности, обозначаемой формой родительного падежа (подробнее о русских грамматических показателях конкретности и абстрактности – см. [5]). Потребность в различении конкретности и абстрактности привела к приспособлению для выражения абстрактности формы

самого частотного падежа – родительного, но глагольное действие от этого не изменилось: оно может распространяться на объект независимо от его обобщенности, то есть и на конкретный, выраженный формой винительного падежа, и на абстрактный, выраженный формой родительного падежа, так же, как в артиклевых языках: англ. *to wait the train* и *to wait a train*, фр. *attendre le train* и *attendre un train*.

В то же время в русском языке имеются глаголы типа *избежать*, *достигнуть*, которые, как и глаголы типа *нарвать*, могут управлять только родительным падежом, но не имеют абстрактно-количественного значения. Необходимо выяснить, можно ли считать такие глаголы переходными, то есть преобразует ли выражаемое ими действие их объекты.

В *избежать встреч* употребляется только родительный, не связанный с подчеркиванием абстрактности (ведь возможно сочетание *избегать этих встреч*) падеж, поскольку сама семантика глагола *избежать* не предполагает не только распространения его действия на объект, но и какого-либо контакта с объектом. То есть действие глагола *избежать* никак не может преобразовать его объект, как это происходит в сочетаниях с переходными глаголами, например *запланировать*, *отменить*, *раскритиковать встречи*.

В *достигнуть Марса* тоже употребляется только родительный, не связанный с подчеркиванием абстрактности падеж, поскольку семантика глагола *достигнуть* предполагает максимальное приближение к объекту вплоть до его касания, но никак не предполагает его преобразование, что возможно в сочетаниях типа *открыть*, *покорить*, *освоить*, *исследовать Марс*.

Косвенная переходность с дательным падежом тоже должна быть проверена на преобразуемость объекта глагольным действием. В признаваемых В. В. Виноградовым косвенно переходными сочетаниях *принадлежать хозяину*, *угождать начальству*, *помогать товарищу*, *мстить врагу*, *радоваться успеху* действие глагола объект не преобразует. Все выраженные этими глаголами действия или свойства направлены к объектам как к адресатам, но сами эти

адресаты в таких сочетаниях остаются этими действиями или свойствами не тронутыми, поскольку адресность указывает на направленность действия к объекту, но не на преобразование его. Так, именно в плане воздействия и, как следствие, преобразования объекта воздействия *принадлежать хозяину* не то же, что *поздравлять хозяина*, *угождать начальству* не то же, что *радовать начальство*, *мстить врагу* не то же, что *побеждать врага*, а *радоваться успеху* не то же, что *иметь успех*.

Косвенная переходность с творительным падежом тоже должна быть подвергнута проверке на преобразуемость объекта действием глагола. В показанных В. В. Виноградовым примерах *владеть собой* и *управлять судном* значение орудия – не прямое, но сравнительное: *владеть собой* как орудием, *управлять судном* как орудием. При такой сравнительной орудийности объект остается неизменным, очень отличающимся от объектов в *сдерживать себя* и *вести судно*: *владеть собой* – оставаться в неизменном эмоциональном состоянии, а *сдерживать себя* – пресекать в себе явные проявления несдержанности, то есть изменять свое эмоциональное состояние в сторону сдержанности; *управлять судном* – пользоваться судном как единым, готовым к употреблению, то есть неизменяемым, механизмом, предполагающим не направление (куда), а только место (где), например *Он управлял судном в Карибском море* (непонятно, как именно управлял, это очень общее, малоинформативное значение), в то время как *вести судно* – каузировать его движение в определенных направлениях, то есть изменять его положение в пространстве, что предполагает и направление (куда) и место (где), например *Он вел судно на желанный остров в Карибском море* (более конкретное, информативное значение).

Не случайно именуемый косвенным творительный создает отстраненность субъекта от преобразования объекта, непричастность к такому преобразованию. Очень показателен пример с историческим изменением *править народ* в *править народом* и *воевать врага, землю* в *воевать с врагом, страной*. В *править народ*

подчеркивается изменение народа в правильную сторону, а в *править народом* народ существует в готовом виде, которым управляют как орудием, – налицо отстраненность субъекта от преобразования объекта, непричастность к такому преобразованию. В *воевать врага, землю* предполагается стремление изменить врага, землю войной, военными действиями в свою пользу, а в *воевать с врагом, страной* стремление изменить врага, страну войной в свою пользу отсутствует, имеется лишь указание на нахождение с врагом, страной в состоянии, отношениях войны – налицо отстраненность субъекта от преобразования объекта, непричастность к такому преобразованию.

Из сказанного в отношении косвенной переходности следует важный вывод: если действие глагола не преобразует объект, что возможно лишь при управлении беспредложным винительным, такой – традиционно косвеннопереходный – глагол не может считаться переходным.

Выводы и перспективы дальнейших исследований в данном направлении. Таким образом, в своей транзитивной концепции М. Н. Эпштейн совершенно справедливо указал на такой единственно важный критерий переходности, как преобразование объекта глагольного действия, но никак не продемонстрировал свое отношение к косвенной переходности. Проведенный нами анализ позволил прийти к выводу, что элиминированный М. Н. Эпштейном критерий преобразования объекта глагольного действия представляет собой существенный признак понятия переходности в целом, который позволяет уточнить понятие переходности при любом беспредложном управлении винительным падежом и который отсутствует в грамматических явлениях, которые традиционно считаются косвенной переходностью. Из этого следует, что термин «косвенная переходность» корректно признать понятийным преувеличением. Если же не признать преобразование объекта глагольного действия существенным признаком переходности, то придется согласиться с противоречием отождествления переходности и управления и, как следствие, именно по признаку способности к управлению называть переходными глаголы,

управляющие косвенными падежами. Очевидно, что соглашаться с таким, к тому же являющимся основанием для другого неверного вывода, противоречием ученые не вправе. Представляется целесообразным подтвердить полученные выводы новыми доказательствами того, что критерий преобразования объекта глагольного действия является универсальным критерием переходности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арно А. Грамматика общая и рациональная / А. Арно, К. Лансло. – М.: Прогресс, 1990. – 271с.
2. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): учеб. пособие для вузов / В. В. Виноградов. – 3-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 1986. – 640 с.
3. Грамматика современного русского литературного языка / отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М.: Наука, 1970. – 768 с.
4. Десницкая А. В. Из истории развития категории глагольной переходности / А. В. Десницкая // Памяти академика Льва Владимировича Щербы. – Л., 1951. – С. 70-162.
5. Попов С. Л. Развитие русских грамматических вариантов с семантикой конкретности и абстрактности / С. Л. Попов // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2013. – Т. 26 (65). – № 4. – Ч. 1. – С. 108-114.
6. Русская грамматика / Гл. ред. Н. Ю. Шведова: в 2-х т. – Т. I. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – М.: Наука, 1980. – 784 с.
7. Степанов Ю. С. Вид, залог, переходность: (Балто-славянская проблема) / Ю. С. Степанов // Известия Академии наук СССР, серия литературы и языка. – М.: Наука, 1976. – Т. 35. – С. 139, 408-420.
8. Фортунатов Ф. Ф. О залогах русского глагола / Ф. Ф. Фортунатов // Отг. из "Изв. Отд. рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук". – СПб.: тип. Имп. Акад. Наук, 1899. – Т. IV. – Кн. 4. – С. 1153-1158.
9. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов. – Л.: Учпедгиз, 1941. – 606 с.
10. Эпштейн М. Н. О творческом потенциале русского языка. Грамматика переходности и транзитивное общество / М. Н. Эпштейн // Знамя. – 2007. – № 3. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2007/3/ep18.html>.